Лев ОШАНИН

ПРАЗДНИК МОЛОДОСТИ И МИРА

27 июля в Москве открывается XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов

— На фестивалях? Я был на всех, — говорит в моей новой пьесе знаменитый латиноамериканский поэт Фернандес. И продолжает:

Время видишь тут без прикрас,
Горячими точками мира владеешь.
Устаешь дней на десять каждый раз
И лет на десять молодеешь.

Я хорошо понимаю Фернандеса. Когда подступает очередной фестиваль, я теряю покой. Как все сложится? Сколько стран и организаций откликнется? Удастся ли выбраться ребятам с самых горячих точек планеты? Какие на фестивале родятся новые формы общения? Что придумает талантливого режиссер фестиваля?..

Редко кто из молодых участников бывает на фестивалях дважды. Поколения сменяются. А у меня так сложилось, что вся жизнь связана с фестивалями. С того дня, как наша с А. Новиковым песня была избрана песней первого фестиваля 1947 года в Праге, а потом объявлена Гимном демократической молодежи мира. С тех дней, когда я, ошеломленный встречей с восьмьюдесятью странами в 1949-м в Будапеште, написал книгу стихов, названную по первой строчке Гимна, «Дети разных народов». Это была моя вторая книга, она вышла в 1950 году.

С этой песни и книги вошли в мою жизнь новые дороги, и стала главной для меня тема мира. Невозможно представить себе такое переключение, скажем, для англичанина Р. Киплинга — певца мужской силы и мужества, но силы и мужества завоевателей чужих пространств и покорителей чужих народов. Для меня, как для любого советского поэта, этот переход от темы войны к теме мира совершенно естествен. Ведь и сама Великая Отечественная война была не чем иным, как борьбой за мир — мы никогда ничего не собирались ни у кого завоевывать. Мы защищали и освобождали свою землю и обязаны были уничтожить военную машину фашизма, угрожавшую всему миру.

После Будапешта я был в Берлине, потом в Москве, Вене, Хельсинки, Софии и снова в Берлине. Я видел все этапы этого движения, его рост, его нарастающую силу. Помню, как на первые фестивали из многих стран с трудом прорывались сквозь полицейские кордоны одиночки, и потом из этих же стран являлись мощные делегации.

Что такое фестиваль? Кроме улыбок и концертов, это манифестации и митинги, дискуссии и встречи делегаций. Представьте себе встречу вьетнамцев и французов в дни, когда Вьетнам боролся за свое освобождение. А когда американцы заливали кровью Корею, корейцы привезли своим ровесникам-американцам письма солдат из окопов.

Никогда не забуду встречу вырвавшихся живыми со скал Граммоса греков-партизан с американцами в 1949 году.

— Здорово, друг! Хэлло! Гудбай! Почет! —
Двадцатилетнему седому греку
американец руку подает.
А грек рванул рубаху: — Погляди! —
Там след от рваной раны на груди.
Трапицу из кармана достает.
В ней бережно завернут — в дальний путь! —
Осколок от снаряда, личный, тот,
Который был ему засажен в грудь.
— Определи — приказывает взгляд —
Не ты ли этот мастерил снаряд?
Американец взял сухой металл
И, вспыхнув весь до сдвинутых бровей,
Среди следов от крови прочитал
Три буквы — имя родины своей.

Докер, отказавшийся грузить оружие, он не был виноват перед этим греком. Он готов был к дружбе с ним. Но знал ли он, вдали от всех боев, в чем дружба настоящая была? Я присутствовал на этой встрече. Я видел суровый взгляд грека и волнение, охватившее американца.

Он все еще не выпустил из рук
Кусок металла рваный и рябой.
Сказал он тихо: «Ты прости мне, друг.
А эту штуку я возьму с собой».

Конечно, мне удавалось видеть только крупицы, только отдельные эпизоды фестивальной жизни. Подсчитано: чтобы один человек побывал на всех мероприятиях фестиваля, ему понадобилось бы двадцать лет.

Каждый фестиваль был по-своему неповторим, хоть и многое было в них схожим. Но когда фестивали перешагнули границы стран социалистического содружества, их облик изменился. 1959 год. Вена. Правительство Австрии разрешило проведение фестиваля, но разрешило и всю антифестивальную деятельность. В городе висели фестивальные афиши, но они терялись среди огромных красочных реклам чулок со стройными женскими ножками или сигарет, или заезжих циркачей и проповедников. Чуть не на каждом углу центральных улиц выросли «антифестивальные центры», заполненные роскошно изданной низкопробной литературой на всех языках и толпами съехавшихся со всего мира путчистов и отщепенцев, прошедших пропагандистскую школу ЦРУ. Буржуазные газеты не писали ни одного слова о фестивале, а зарождавшиеся уже неофашистские элементы готовили физическую расправу с участниками фестиваля. И все-таки фестиваль победил. А коммунистическая газета — единственный информатор фестиваля — утроила тираж.

На фестивали всегда наряду с молодежью съезжались яркие и талантливые люди — поэты, художники, артисты. На фестивале 1951 года в Берлине я подружился с Назымом Хикметом, и дружба эта продолжалась до последнего дня его жизни. Я писал позже:

Я с тобой подружился
той давней турецкою ночью
В час, когда тебя бросили в одиночку.
И в тот полдень берлинский,
в те две раскаленных недели,
Когда вместе с тобой мы дрались, и писали, и пели.

Там же, в Берлине, стал моим названым братом Пабло Неруда. У нас с Пабло не было общего языка, он говорил по-испански и по-французски, я по-русски и чуть-чуть по-немецки. Но мы прекрасно понимали друг друга. Нашими переводчиками были Назым и весь фестиваль с его песнями и кострами. Я писал об этом в стихах, напечатанных в первом «Дне поэзии» 1956 года. Я до сих пор испытываю чувство стыда, когда вспоминаю наше берлинское прощание с Пабло. Он протянул мне рубашку, я притащил ему какую-то роскошную кожаную папку, фестивальный платок...

И только в Москве лишь узнал я о том,
Какой мне подарок вручили —
Как прежде в России нательным крестом,
Рубашкой братаются в Чили.

Только через несколько лет в Москве на встрече Пабло с нашими поэтами я рассказал всю эту историю и подарил ему нашу рубашку с народной вышивкой. А стихи получились потом. На заседании редколлегии Семен Кирсанов сказал мне: «Дайте в книгу ваши стихи о Неруде». Оказывается, мой рассказ запомнился ему как стихи. Вот тогда я их и написал. Бывают, видимо, такие ситуации, которые обязаны стать стихами.

Там же, в Берлине, я подружился с молодым поэтом-болгарином, сегодняшним редактором журнала «Факел» Божидаром Божиловым.

Катит по небу яростный солнечный шар
Или сходит на нет осторожное лето,
Каждый раз, когда вижу тебя Божидар,
Вспоминаю Берлин и Назыма Хикмета.
Старший друг наш,
прорвавший решетки тюрьмы,
Рыжий гурок, взрывавший словесные руды, —
У него обучались неистовству мы,
А добру — у индейца, у Пабло Неруды.
Как звенели тогда мы с тобой Божидар...
Мир покоился на человеческих глыбах
Наших душ, нашей памяти ловит радар
Свет несмолкнувших глаз, непогасших улыбок.

Если говорить о литературных встречах, не могу обойти молчанием VI фестиваль в Москве. Среди прочих дел мне было поручено вести встречу писателей разных стран, которая состоялась в аудитории 02 МГУ. Писателей было так много, что в президиуме сидели не представители стран, а представители континентов. А кроме писателей, как всегда, была пропасть журналистской и окололитературной публики. От Советского Союза со мной был только Мухтар Омарханович Ауэзов.

Камнями в нас злые вопросы летят.
Нас берет в оборот мелколесье земного шара.
Всякий раз, когда трудно, встречаю взгляд,
Братский, отеческий взгляд Мухтара.
И взрывное мгновенье снимал, как рукой,
О великом и вечном напоминая
Его торжественный мудрый покой
И его просторная сила степная.

Потом к нам присоединился Назым Хикмет, и, несмотря на все попытки нам помешать, получился большой, серьезный разговор о месте писателя в судьбах мира.

С фестивалями связано у меня и самое сильное ощущение, которое может выпасть на долю поэта или композитора, написавшего песню. Иногда говорят, что ту или иную песню поют миллионы. Где-то какие-то неконкретные миллионы. Поют или не поют? А на заключительном митинге берлинского фестиваля 1951 года на площади Маркса—Энгельса, на прилегающих улицах, по подсчетам наших немецких друзей, стоял ровно миллион человек, и, когда кончился митинг, весь этот миллион чуть ли не на всех языках мира запел нашу песню...

Каждый раз к фестивалям я писал песни, трижды они получали первые премии. И потом, когда песенные конкурсы прекратились, мы писали с А. Новиковым «Звенит гитара над рекою», с А. Островским «Пусть всегда будет солнце», с Г. Мовсесяном «Куба рядом».

А к XII фестивалю я решил написать пьесу. Получился музыкальный спектакль «Потому что мне 18», музыку к которому написал Е. Птичкин. Этот спектакль ставят студенты ГИТИСа имени А. В. Луначарского, и на фестивале прозвучит композиция по этому спектаклю (режиссер заслуженный деятель искусств РСФСР М. Дотлибов). Роли исполняют старшекурсники.

Действующие лица спектакля — Альба из Центральной Америки и болгарин Божидар, немец Гюнтер и австралийка Бабетта, американец Глен и скандинав Витольд. Наши ребята — бамовец Кеша и Олеся из Беловежской пущи. А в лице упоминавшегося уже Фернандеса мне хотелось хоть в какой-то степени воссоздать образ незабвенного Пабло Неруды. Он поет свою песню, которая начинается с улыбки и переходит в своего рода гимн.

У нас колибри так малы и легки,
Что поменьше скорлупок грецких орехов.
А грецкие орехи так велики,
Что не лезут в щипцы для грецких орехов.

Наши страны — колибри среди вершин.
Разобщены они, не едины.
Как жаль, что Сандино был только один,
Всюду ждут своего Сандино.

Горечью полон песенный рассказ Альбы. Австралийка Бабетта боится неба:

Что случилось с небом? Постойте.
Страшно от его немоты.
Закройте небо, небо закройте,
Чтобы не было пустоты.

А рядом с драматическими мотивами в спектакле прозвучат светлые мелодии:

Губами ветер шевели,
Молчать никак нельзя,
Когда со всех концов земли
Слетаются друзья.

Лови глазами птичий след
И подпевай трубе,
Когда тебе семнадцать лет
И двадцать лет тебе.

Когда тебе семнадцать лет
И двадцать лет тебе,
Пора задуматься, сосед,
О завтрашней судьбе.

Ее не ищут в облаках
И в кликах журавлей —
Твоя судьба в твоих руках,
В руках твоих друзей.

И кончается спектакль гордыми словами песни «Кто идет»:

Люди, мы начинаем разбег
И берем двадцать первый век
На свои упругие плечи.